

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Генри Каттнер

РОБОТ-ЗАЗНАЙКА
И ДРУГИЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
К 29

Henry Kuttner
TIME LOCKER © Henry Kuttner, 1943
THE WORLD IS MINE! © Henry Kuttner, 1943
THE PROUD ROBOT © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943
GALLEGHER PLUS © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943
EX MACHINA © Henry Kuttner, 1948
COMPLIMENTS OF THE AUTHOR © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942
THE TWONKY © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942
VINTAGE SEASON © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946
DE PROFUNDIS © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1953
DEADLOCK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942
A GNOME THERE WAS © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1941
BY THESE PRESENTS © Henry Kuttner, 1952
MIMSY WERE THE BOROGOVES © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943
THE BIG NIGHT © Henry Kuttner, 1947
DON'T LOOK NOW © Henry Kuttner, 1948
NO GREATER LOVE © Henry Kuttner, 1943
PIGGY BANK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942
RAIN CHECK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946
HOUSING PROBLEM © Henry Kuttner, 1944
A WILD SURMISE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1953
PRIVATE EYE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1949
THE MISGUIDED HALO © Henry Kuttner, 1939
THE IRON STANDARD © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943
THE PRISONER IN THE SKULL © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1949
WET MAGIC © Henry Kuttner, 1943
ANDROID © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1951
HAPPY ENDING © Henry Kuttner, 1948
TIME ENOUGH © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946
FURY © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947
All rights reserved

Перевод с английского

Владимира Баканова, Николая Берденникова, Александры Глебовской,
Нинель Евдокимовой, Беллы Жужунавы, Ольги Зверевой, Александры Килановой,
Геннадия Корчагина, Г. Л. Олди, Андрея Полошака, Владимира Скороденко,
Анны Тетеревниковой, Ирины Тетериной, Андрея Третьякова, Леоноры Черняховской

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

© В. И. Баканов, перевод, 1991	© В. А. Скороденко (наследник), перевод, 1968
© Н. Б. Берденников, перевод, 2007	© А. Н. Тетеревникова (наследник), перевод, 2022
© А. В. Глебовская, перевод, 1992	© И. А. Тетерина, перевод, 2007
© Н. М. Евдокимова (наследник),
перевод, 1968	© А. В. Третьяков, перевод, 2022
© Б. М. Жужунава (наследник),
перевод, 2006, 2007	© Л. А. Черняховская, перевод, 1976
© О. Г. Зверева, перевод, 2006	© С. А. Григорьев, иллюстрация на обложке, 2016
© А. С. Киланова, перевод, 2022	© Серийное оформление.
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2016, 2022	ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Азбука®
© Г. Л. Олди, перевод, 1992	© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®
© А. С. Полошак, перевод, 2022	

ISBN 978-5-389-21270-1

ХРОНОСЕЙФ

Галлоуэй Гэллегер играл на слух. И это было бы совершенно нормально, выбери он стезю музыканта, но его угораздило стать изобретателем. Пусть сумасбродным, пусть всегда нетрезвым, но, безусловно, толковым. Он хотел заниматься техническими разработками и на этом поприще наверняка добился бы успеха — была в нем, как ни крути, жилка гениальности. А вот чего не было, так это средств, чтобы получить серьезное научное образование. Поэтому Гэллегер, по профессии оператор интегрирующей машины, домашнюю лабораторию держал исключительно развлечения ради.

Ей-богу, более дурацкой лаборатории вы бы не нашли ни в этом штате, ни в пяти-шести соседних. Большую часть помещения занимала штукавина, которую Гэллегер назвал алкогольным органом; на ее сборку он потратил аж полгода. Зато теперь мог блаженствовать на удобном мягком диване, нажимая на клавиши и перекачивая в луженую глотку спиртное превосходного качества — в любом количестве и в завидном разнообразии. А поскольку конструировался этот орган в период продолжительного запоя, Гэллегер так и не смог потом вспомнить основные принципы действия своего изобретения. Печально, что и говорить.

В лаборатории было много всякой всячины, по большей части едва ли здесь уместной. У реостатов имелись юбочки, как у балерин, и нелепо ухмыляющиеся керамические рожицы. На большом генераторе бросалась в глаза табличка «Монстр», а другой генератор, куда меньше размером, довольствовался прозвищем Бурчун. В стеклянной реторте сидел фарфоровый кролик, и только Гэллегер знал, как безделушка оказалась там. Сразу у двери высился чудовищный чугунный пес, по замыслу изготовителя предназначавшийся для викторианских газонов, а может быть, для врат ада. Как бы то ни было, сейчас его полые уши служили гнездами для пробирок.

— Но как же все-таки ты это делаешь? — спросил Вэннинг.

Тощий, долговязый Гэллегер, развалившийся возле алкогольного органа, перекачал себе в рот двойной мартины.

— Чего?

— Ты слышал. Я могу обеспечить тебе прибыльную работенку — при условии, что ты будешь применять с толком свои вывихнутые мозги. Или хотя бы научишься пускать пыль в глаза.

— Я пытался, — пробормотал Гэллегер. — Ничего не выходит. Не могу я работать сосредоточившись... Разве что с механикой какой-нибудь возиться. Должно быть, у моего подсознания коэффициент интеллекта повыше, чем у сознания.

Вэннинг, плотно сбитый коротышка со смуглым, в шрамах, лицом в сердцах ударил Монстра каблуками. Подчас Гэллегер нешуточно его бесил. Никак не возьмет в толк этот рохля, что нельзя закапывать в землю такой ценный талант. Во всяком случае, ценный для Хораса Вэннинга, коммерческого юрисконсульта.

Само собой, эта «коммерция» велась за пределами закона, но усложнившиеся в 1970-х условия торговли все же оставили немало лазеек для мозговитых людей вроде Вэннинга. Да, надо сказать откровенно: свои недюжинные способности он поставил на службу жуликам. Потому что жулики хорошо платили. В те времена прочное знание юриспруденции было редкостью, правовые нормы сплелись в такой тугой клубок, что желающему стать законником требовались годы подготовки еще до поступления на юридический факультет. Но Вэннинг располагал командой опытных экспертов, а также колоссальной библиотекой протоколов, судебных решений и тому подобных сведений, так что за приемлемую плату он бы самого доктора Криппена¹ научил, как выйти сухим из воды.

Теневая сторона этого бизнеса содержалась в сугубой приватности и обходилась без помощников. Взять, к примеру, нейропистолет. Это замечательное оружие соорудил Гэллегер, причем так и не осознал его важности. Просто смастачил однажды вечерком на скорую руку, а детали скреплял лейкопластырем, потому что сломался сварочный аппарат. А Вэннинг выпросил изделие. Владел он нейропистолетом недолго, но выручил тысячи кредитов, сдавая его напрокат потенциальным убийцам. Чем вызвал у полицейского управления сильнейшую головную боль.

Человек осведомленный приходил к Вэннингу и говорил:

— Слышал, ты с мокрым дельцем можешь пособить. Предположим, мне нужно...

— Что-о?! Да за кого вы меня принимаете?

¹ *Харви Криппен* (1862–1910) — фигурант громкого судебного процесса, американский врач-гомеопат и дантист, убивший в Англии свою жену.

— Э-э... Но...

— Теоретически я могу предположить, что идеальное убийство осуществимо. Допустим, изобретен пистолет определенного типа, и допустим — исключительно теоретически, для примера, — что он лежит в камере хранения на Ньюаркском стратодроме.

— Э-э...

— Я просто теоретизирую. Ячейка номер семьдесят девять, комбинация тридцать-синий-восемь. Эти мелкие детали прибавляют наглядности примеру, вы согласны?

— Ты хочешь сказать...

— Разумеется, если наш убийца возьмет из ячейки воображаемый пистолет и воспользуется им, ему хватит ума иметь при себе почтовую коробку с адресом... ну, скажем, Бруклинский порт, ячейка сорок. Убийца упакует пистолет, пойдет к ближайшему почтовому конвейеру и избежит от улики. Но все это, конечно, теоретически. Сожалею, что не смог вам помочь. Гонорар за консультацию — три тысячи кредитов. Секретарша примет ваш чек.

Выдвинуть потом обвинение будет невозможно. Потому что суд округа Иллинойс, приняв решение 87-М по делу «Штат против Дупсона», создал прецедент. Факт насильственной смерти должен быть установлен. Элемент случайности должен быть учтен. К примеру, на суде по делу «Сандерсон против Сандерсон» в защиту женщины, обвинявшейся в убийстве свекрови, прозвучали такие доводы: «Несомненно, прокурор, располагающий штатом экспертов-токсикологов, обязан это знать... Короче говоря, ваша честь, я со всем уважением требую прекратить этот процесс по причине отсутствия события и состава преступления...»

Гэллегер так и не узнал, что его нейропистолет — не игрушка, а опасное оружие. Зато Вэннинг теперь частенько наведывался в захламленную лабораторию, проявляя живейший интерес к бессознательному изобретательству своего приятеля. Не раз и не два он прибретал удачные плоды творчества Гэллегера.

Проблема заключалась в том, что это творчество нельзя было поставить на поток.

Гэллегер опять глотнул мартини, затем покачал головой и распрямил тощие ноги. Хлопая глазами, подковылял к заваленному разным барахлом верстаку и принялся рассеянно возиться с кусками проводов.

— Что-то конкретное мастерить? — спросил Вэннинг.

— Не-а. Просто балуюсь. Вот так и бывает: соединяешь разные штучки-дрючки, глядишь, оно и заработало. Правда, никогда заранее

не угадать, как оно будет работать. Да ну, к черту! — Гэллегер бросил провода и вернулся на диван.

До чего же странный тип, подумал Вэннинг. Абсолютно беспринципный — и абсолютно чужой в чересчур сложном мире. Он как будто с лукавым весельем в глазах смотрит на этот мир с выбранного им самим шестка, редко чем-то интересуюсь всерьез. И делает такие удивительные вещи...

Но всегда исключительно забавы ради.

Вэннинг тяжело вздохнул и обвел взглядом лабораторию. Суцая свалка! Как же она шокирует его упорядоченный разум!

Машинально он подобрал с пола мятый рабочий халат и поискал крючок. Конечно, не нашел. Гэллегер, когда у него иссяк запас проводящих металлов, недолго думая, посрывал крючки и вмонтировал их в какое-нибудь устройство.

Этот так называемый ученый уподобился коматознику — лежал не двигаясь, полузакрыв глаза. Вэннинг прошел в угол и отворил дверцу металлического шкафчика. Крючков и там не оказалось, поэтому Вэннинг аккуратно сложил халат и пристроил его на полу шкафчика.

И вернулся на свой насест, то есть на Монстра.

— Хлебнешь? — спросил Гэллегер.

Вэннинг мотнул головой:

— Нет, спасибо. Завтра мне надо быть в суде.

— Так у меня же тиамин есть. Впрочем, это такая дрянь... Мне куда лучше помогают надувные подушки — я ими башку обкладываю.

— Спасибо, не надо.

— Просто навык нужен, — бормотал Гэллегер. — Любой его может приобрести, если захочет... На что это ты пялишься?

— На... шкафчик, — ответил Вэннинг, озадаченно морща лоб. — Что за...

Он встал. Неплотно закрытая дверка распахнулась. Но где же халат, помещенный Вэннингом в это металлическое хранилище? Исчез без следа.

— Это краска, — сонно объяснил Гэллегер. — А может, дело в гамма-частицах, я ими облучил шкафчик. Но все равно он ни на что не годится.

Вэннинг подошел к шкафчику и направил в него свет лампы дневного света. Он ошибся — шкафчик не пустовал. Но вместо халата на дне лежало нечто бледно-зеленого цвета и приблизительно сферической формы.

— Он что, плавит? — спросил Вэннинг, разглядывая шарик.

— Да не сказал бы... Давай-ка, вынь.

Вэннинг не решился сунуть руку в шкафчик. Но и не растерялся: нашел длинный держатель для пробирок и с его помощью извлек ком.

Что происходит?!

Он аж глаза отвел, не в силах смотреть на происходящее. Зеленый шарик менялся в цвете, размере и форме, медленно расползаясь лишненным всякой геометрии пятном. Держатель заметно отяжелел.

Ничего удивительного — его оттягивал рабочий халат.

— Вот так оно и происходит, — рассеянно проговорил Гэллегер. — И этому тоже должна быть причина. Кладешь вещь в шкафчик, она уменьшается. Вынимаешь, и она снова большая. Может, удастся продать какому-нибудь эстрадному фокуснику. — Последнее было сказано с сомнением.

Вэннинг сидел, ощущив халат и таращился на металлический шкафчик. Параллелепипед размерами примерно три на три на пять футов был внутри обрызган из краскопульта серой краской. Снаружи он был черным, лоснящимся.

— На каких принципах он работает?

— Чего? А-а... Не знаю, я просто возился. — Гэллегер качнул в рот коктейля «зомби». — Может, дело в искаженной размерности. Под воздействием гамма-лучей в шкафчике изменились пространственно-временные соотношения. Еще бы понимать, что это означает. — И тихо пробормотал в сторону: — Ну и словечки — жуть от них пробирает.

Вэннингу на ум пришел тессеракт.

— Ты к тому, что внутри он больше, чем снаружи?

— Парадокс, парадокс, ай да чудный парадокс... Я тебе вот что скажу. Сдается, внутренность шкафчика находится вообще не в нашем пространственно-временном континууме. Засунь-ка туда скамейку, увидишь, что будет. — Гэллегер махнул рукой в направлении упомянутого предмета мебели.

— Я и так вижу. Ничего не выйдет: скамейка больше, чем шкафчик.

— Нет, ты все-таки засунь. Помаленьку, начни с угла. Попробуй.

Вэннинг ухватился за скамью. При своем малом росте он был очень мускулист.

— Поставь ее на попу, так легче будет.

— Ладно... Фух... Ну, что теперь?

— Теперь наклони и засовывай.

Вэннинг озадаченно сощурился на собеседника, но затем пожал плечами и подчинился. Скамейка, конечно же, не поместилась в шкафчик. Пролезла только краем и, естественно, уперлась, застряла под косым углом, угрожая рухнуть.

— Ну и?

— Подожди.

Скамья пришла в движение. Она медленно опускалась. С отвисшей от изумления челюстью Вэннинг смотрел, как громоздкая мебель уходит в шкафчик с неспешностью не слишком тяжелого предмета, погружающегося в воду. Нет, ее не засасывало. Она как будто плавилась. Та часть, что снаружи, оставалась прежней, только уменьшалась по длине.

Вэннинг согнулся, чтобы заглянуть внутрь. Опять это рябящее неразличимое пятно. То, что находилось в шкафчике, меняло свои контуры, съеживалось, превращалось в этакую ступенчатую пирамидку густого фиолетового цвета.

И шириной не более четырех дюймов.

— Поверить не могу, — пролепетал Вэннинг.

Гэллегер с ухмылкой изрек:

— Как сказал герцог Веллингтон своему подчиненному: «Это была чертовски маленькая бутылочка, сэр».

— Минутку! Как, дьявол тебя поberi, можно уместить восьмифутовую скамью в пятифутовом шкафчике?

— Скажи спасибо Ньютону, — ответил Гэллегер. — Гравитация... Возьми-ка пробирку, наполни ее водой, и я тебе покажу.

— Ладно, сейчас... Готово. Что дальше?

— Доверху налил? Отлично. Вон в том выдвижном ящике с табличкой «Фитили» ты найдешь кусковой сахар. Положи кусочек на пробирку так, чтобы уголок оказался в воде.

Вэннинг проделал требуемую манипуляцию.

— И?..

— Что видишь?

— Ничего. Сахар намокает... и тает.

— Вот то-то и оно! — с чувством воскликнул Гэллегер.

Вэннинг недоумевающе посмотрел на него и перевел взгляд на пробирку. Кусочек сахара быстро уменьшался, растворяясь.

И вот он исчез.

— Вода и воздух — это разные физические условия. В воздухе кусочек сахара может существовать как кусочек сахара. В воде он существует как раствор. Уголок, погруженный в воду, переходит в жид-

кое состояние. Он изменяется физически, но не химически. Остальное делает гравитация.

— А пояснее нельзя?

— Да куда уж яснее, тупица? Вода — это аналогия с особыми физическими условиями, созданными внутри шкафчика. Вместо сахара — скамейка. А теперь слушай внимательно! Сахар впитывает воду и постепенно растворяется, и по мере растворения гравитация опускает его в пробирку. Понятно?

— Вроде да. Скамейка впитывает в себя... физические условия, которые существуют внутри шкафчика. Так? И эти условия сжимают ее...

— Частично, а не полностью. Понемногу. Ну это как растворять человеческое тело в небольшом объеме серной кислоты. Дюйм за дюймом.

— Ага, — произнес Вэннинг, косясь на шкафчик. — А можно вернуть скамейку?

— Валяй. Просто сунь туда руку и вытащи.

— Сунуть руку? Чтобы она растаяла?

— Не растает. Ты же сам видел: это не мгновенный процесс. Если держать руку внутри меньше минуты, не получишь никакого вреда. Сейчас покажу.

Он неохотно встал, огляделся, взял пустую бутылку и бросил ее в шкафчик.

Действительно, воздействие сказалось не вдруг. Бутылка медленно менялась в размерах и форме, пока не превратилась в параллелепипед с кривыми гранями величиной с кусочек сахара. Гэллегер вынул его и положил на пол.

Параллелепипед принялся расти. И превратился обратно в бутылку.

— А теперь скамейка. Гляди.

Он извлек пирамидку. Из нее восстановилась скамья.

— Вот видишь? Компания по обслуживанию складов наверняка заинтересуется. В этот шкафчик можно запихать всю мебель Бруклина, вот только как доставать потом? Физические изменения, понимаешь ли...

— Схема размещения нужна, — задумчиво предложил Вэннинг. — Рисуешь вещь, как она выглядит внутри, и отмечаешь, что она собой представляет.

— Юрист всегда юрист, — оценил Гэллегер. — А я хочу выпить. — Он вернулся на диван и мертвой хваткой вцепился в кран алкогольного органа.

— Даю шесть кредитов за шкафчик, — сказал Вэннинг.

— Продано! Все равно он занимает слишком много места. Жалко, не удалось придумать, как поместить его в самого себя. — Ученый захихикал, довольный остроотой. — Смешно, правда?

— Да неужели? — Вэннинг вынул из бумажника банкноты. — Куда положить?

— Запихни в Монстра, это мой банк... Спасибо.

— Пожалуйста. Вот что, объясни-ка мне малость эту тему с сахаром. Ведь не только из-за гравитации он погружается в пробирку. Еще и вода в него впитывается...

— Ты совершенно прав. Осмос! Нет, я глупость сказал. Осмос — это что-то связанное с яйцами. Может, овуляция? Проводимость? Конвекция? Абсорбция! Эх, зря я физику не учил, а то знал бы термины. Дубина стоеросовая, вот я кто. Мне б жениться на дочери бога виноделия... — невнятно закончил Гэллегер и присосался к крану.

— Абсорбция? — Вэннинг наморщил лоб, соображая. — Только тут не сахар впитывает воду... В данном случае твоя скамья впитывает в себя физические условия, существующие в шкафчике.

— Ага... Как губка или промокашка.

— Ты о скамье?

— О себе, — кратко ответил Гэллегер и погрузился в блаженное молчание, время от времени прерываемое бульканьем спиртосодержащей жидкости, поступающей в закаленный пищевод.

Вэннинг вздохнул и повернулся к шкафчику. Аккуратно закрыл дверку на засов, прежде чем поднять попку мускулистыми руками.

— Уходишь? Ну пока-пока...

— Спокойной ночи.

— Прощай, мой друг, не забывай... — меланхолично пропел изобретатель и перевернулся на бок, явно вознамерившись уснуть.

Вэннинг снова вздохнул и вышел в прохладную мглу. Небо искрилось звездами; только на юге их скрадывало сияние Нижнего Манхэтгена. Светящиеся белые башни-небоскребы складывались в зубчатый абрис. Авиареклама расхваливала достоинства Вамбулина: «Ничто так не бодрит!»

У тротуара ждал припаркованный спидер. Вэннинг запихнул шкафчик в багажник и направился к Гудзонской водной трассе — кратчайшей дороге до делового центра. Ему вспомнился рассказ Эдгара По об украденном письме, которое не могли найти, потому что похититель вывернул его наизнанку, сложил заново и написал но-

вый адрес. То есть изменил его внешний облик. Ух ты! Да этот шкафчик — идеальный сейф! Никакому медвежатнику его не взломать по абсолютно очевидной причине: он не запирается и не вызывает желания обчистить его. Можно набить этот сейф банкнотами; все они станут неузнаваемыми, как только окажутся внутри. Идеальное хранилище для наличности.

Но как же, черт возьми, эта штука работает?

Пытать Гэллегера бесполезно. Он играет на слух. Для него растущий у реки первоцвет — просто первоцвет, а не примула вульгарис. Ему чужды силлогизмы. К своим открытиям он приходит напрямик, не утруждаясь анализом важных или пустяковых фактов.

Вэннинг напряженно размышлял. Так не бывает, чтобы два предмета одновременно занимали один и тот же объем пространства. Следовательно, в шкафчике содержится какое-то другое пространство...

Но Вэннинг решил не спешить с выводом. Есть другой ответ, правильный. Просто он еще не пришел на ум.

Вэннинг припарковал спидер перед офисным зданием, где арендовал этаж, и понес шкафчик к грузовому лифту.

Но на своем этаже не направился в кабинет — там шкафчик бросался бы в глаза. Нет, Вэннинг поставил его в подсобке, а чтобы частично прикрыть, передвинул каталожное бюро. Ни у кого из клерков не возникнет надобность сюда соваться.

Отступив от шкафчика, Вэннинг задумался. Что, если...

Он не сразу услышал приглушенный звонок. Спыхватившись, прошел в кабинет и нажал кнопку на видеофоне Уинчелла. Экран заполнило суровое седобородое лицо барристера Хэттона.

— Привет, — сказал Вэннинг.

Хэттон кивнул:

— Я тебе домой звонил — молчок. Решил, что ты в конторе...

— А я не ждал твоего звонка. Слушание завтра. Поздновато для дискуссий, не находишь?

— «Сыновья Дугана» настояли, чтобы я с тобой поговорил. Я был против.

— Ну и?..

Хэттон сдвинул густые седые брови:

— Ты же понимаешь, что я буду добиваться максимально сурового приговора. Улик против Макильсона предостаточно.

— Это только по твоим словам. Но присвоение чужих финансовых средств доказать нелегко.

— Надеюсь, ты не станешь возражать против скопирования?

— Еще чего! Не позволю колоть моему клиенту сыворотку правды.

— Это настроит против вас присяжных.

— Не настроит, потому что на нашей стороне медицина. Я получил врачебное предположение: скопирование причинит вред здоровью Макильсона.

— Вред — вот правильное слово! — Голос Хэттона зазвучал резко. — Твой клиент причинил вред компании, стянув ее облигации, и я смогу это доказать.

— На круг двадцать пять тысяч кредитов, да? Для «Сыновей Дугана» сумма не пустяковая. А как насчет гипотетической мировой, о которой я упоминал? Предположим, двадцать тысяч будут возвращены...

— Это защищенная линия? Не записывается?

— Само собой. Вот прерыватель. — Вэннинг показал провод с металлическим наконечником. — Все строго *sub rosa*¹.

— Вот и отлично, — ухмыльнулся барристер. — Значит, я могу безбоязненно назвать тебя бездарным пройдохой.

— То есть?

— Твой трюк — старье, проеденное молью. Макильсон умыкнул пять тысяч в облигациях, которые можно продать за деньги. Аудиторы начали проверку, Макильсон кинулся к тебе. Ты ему присоветовал взять еще двадцать тысяч, а теперь предлагаешь вернуть их «Сыновьям Дугана» в обмен на отзыв иска. Потом вы с Макильсоном поделите пять тысяч, а это по нынешним временам не кот начхал.

— Я ничего подобного не признаю.

— Конечно, не признаешь, даже в разговоре по защищенной линии. Но ведь и так все на виду. Я же сказал, это старый фокус. Мои клиенты не станут играть в твои игры. Процесс будет доведен до конца.

— Ты мне позвонил только для того, чтобы это сообщить?

— Нет, надо уладить вопрос насчет присяжных. Надеюсь, ты не возражаешь против скопирования при их отборе?

— Не возражаю, — ответил Вэннинг.

Свою тактику он строил на технических аспектах законодательства, поэтому состав завтрашнего жюри его не интересовал. Если запасные присяжные заседатели пройдут скопирование, шансы уравниются. И при таком соглашении не придется тратить дни, а то и недели, на споры и отводы.

¹ *Букв.: под розой (лат.). Здесь: конфиденциально, между нами.*

— Хорошо, — буркнул Хэттон. — Готовься, я тебя без штанов оставлю.

Вэннинг ответил умеренной непристойностью и отключился.

Надо было сосредоточиться на предстоящей схватке в суде, поэтому он выбросил из головы мысли о покупке. У него еще будет вдоволь времени, чтобы изучить возможности удивительного шкафчика. Вэннинг поехал домой, там велел слуге принести стаканчик виски с содовой и улегся в кровать.

На следующий день он выиграл дело. Ставка на сложную техническую аргументацию и мутные судебные прецеденты оправдала себя. Защита строилась на том факте, что облигации не были конвертированы в государственные кредиты, — Вэннинг это доказал, продемонстрировав мудреные финансовые графики. Конвертация даже пяти тысяч кредитов вызвала бы заметный скачок, а таковых не наблюдалось. Эксперты из конторы Вэннинга умели докапываться до самых мельчайших деталей.

Для установления вины Макильсона необходимо было доказать, прямо или косвенно, что облигации существуют с двадцатого декабря этого года, то есть с того дня, когда они были учтены в последний раз. Прецедентом служило дело «Донован против Джонса».

Хэттон взвился на ноги:

— Ваша честь, Джонс позднее признался в присвоении чужих средств!

— Что не повлияло на принятое судом решение, — невозмутимо парировал Вэннинг. — В данном случае закон обратной силы не имеет. Присяжные вынесли вердикт «не доказано».

— Адвокат защиты, продолжайте.

И адвокат защиты продолжил строить красивую и хитроумную конструкцию из казуистической логики.

— Ваша честь! — не вытерпел Хэттон. — Я не...

— Если мой многоопытный оппонент продемонстрирует облигацию — всего одну из тех, о которых идет речь, — я признаю поражение, — заявил Вэннинг.

На лице у судьи заиграла саркастическая ухмылка.

— Прелестно! Если эта улика будет предъявлена, я немедленно вынесу приговор и обвиняемый отправится в тюрьму. Уж вам ли этого не понимать, мистер Вэннинг? Продолжайте.

— Благодарю. Поскольку облигаций мы не видим, я берусь утверждать, что они не существуют. Их якобы существование — результат ошибки, допущенной клерком при учете.

— Ошибка клерка? Это с калькулятором Педерсона?

— Подобного рода ошибки случались, и я могу это доказать. Ваша честь, разрешите пригласить следующего моего свидетеля.

Возражений не последовало, и свидетель, техник-математик, объяснил, по каким причинам может сбиться калькулятор Педерсона, и привел примеры.

К одному из доводов Хэттон придрался:

— Ваша честь, я протестую! Как известно всем, в Родезии находится определенного рода важная экспериментальная промышленность. Свидетель почему-то не счел нужным упомянуть о том, чем занимается конкретно эта родезийская фабрика. Надеюсь, защита не станет оспаривать тот факт, что «Объединенная компания Гендерсона» в основном имеет дело с радиоактивными рудами?

— Свидетель, ответьте.

— Не могу, ваша честь. У меня нет таких сведений.

— Красноречивое упущение, — хмыкнул Хэттон. — Калькулятор Педерсона — деликатный механизм, радиация для него опасна. Но в офисах «Сыновей Дугана» нет ни радия, ни продуктов его распада.

Вэннинг встал:

— Могу я спросить, не подвергались ли недавно эти офисы фугмигации?

— Подвергались. Этого требует закон.

— Надо полагать, применялся хлорсодержащий газ?

— Да.

— Я бы хотел вызвать моего следующего свидетеля.

Следующий свидетель, физик, сотрудник Ультрарадиевого института, объяснил, что гамма-лучи сильно воздействуют на хлор, вызывая ионизацию. Живые организмы способны поглощать продукты распада радия и в свою очередь излучать. Некоторые клиенты «Сыновей Дугана» контактировали с источниками радиации...

— Ваша честь, это возмутительно! Теоретизирование чистой воды...

Вэннинг притворился оскорбленным.

— Приведу в качестве примера дело «Денджерфилд против „Южнопродуктов“», Калифорния, тысяча девятьсот шестьдесят третий год. Закон гласит, что фактор неопределенности является первичным допустимым доказательством. Мой довод прост: калькулятор Педерсона, на котором считались облигации, способен ошибаться. Если это правда, то облигаций не было и мой клиент невиновен.

— Адвокат обвинения, вам слово, — произнес судья, жалея, что он не барон Джеффрис¹ и не может всю эту чертову свору негодяев отправить на эшафот.

Юриспруденция должна бороться за справедливость, а она превратилась в трехмерные шахматы. Впрочем, это естественное развитие усложнившихся политических и экономических факторов современной цивилизации. И уже понятно, что Вэннинг выиграет процесс.

Так и случилось. Присяжные приняли решение в пользу Макильсона. Хэттон поднял вопрос о скопировании, но это уже было актом отчаяния; ему отказали. Вэннинг подмигнул сопернику, защелкнул брифкейс и отправился в контору.

В полпятого начались неприятности. Секретарша сообщила о прибытии мистера Макильсона, а в следующий миг ее отпихнул в сторону худой смуглый мужчина средних лет, державший в охапке гигантский чемодан из искусственной замши.

— Вэннинг! Я к вам...

Адвокат недобро сощурился, встал из-за стола и резким кивком отослал секретаршу. Как только за ней закрылась дверь, Вэннинг отрывисто заговорил:

— Ты с ума сошел?! Я же велел держаться от меня подальше. Что в чемодане?

— Облигации, — ответил Макильсон дрогнувшим голосом. — Что-то пошло не так...

— Проклятый болван! Притащить сюда облигации... — Вэннинг подскочил к двери, запер ее. — Неужели не понимаешь, что, если Хэттон доберется до этих бумаг, ты мигом вернешься в кутузку? А я лишусь лицензии! Проваливай вместе с чемоданом.

— Выслушай меня! Пожалуйста! Я, как ты и сказал, понес облигации в Финансовое управление, а там... а там был полицейский, меня поджидал. Хорошо, что я его вовремя заметил. Если бы попался...

Вэннинг глубоко вздохнул:

— Прежде чем идти в Финансовое управление, ты должен был два месяца продержаться облигации в метро, в камере хранения.

Макильсон вытянул из кармана газету.

¹ *Джордж Джеффрис, барон Уэмский* (1645–1689) — английский государственный деятель, судья, прозванный Судьей-Вешателем за свою роль в суде над участниками восстания Монмута.

— Так ведь правительство замораживает акции и облигации рудодобывающих компаний. Постановление вступит в действие через неделю. А когда это прекратится, неизвестно. Не могу же я сидеть без денег целую вечность.

— Дай взглянуть. — Вэннинг изучил газету и тихо выругался. — Где ты ее взял?

— Купил у мальчишки возле тюрьмы. Хотел узнать котировки рудных акций...

— Так-так. Понятно. И не было ни тени сомнения, что эта газета не фальшивка?

У Макильсона отпала челюсть.

— Фальшивка?

— Вот именно. Хэттон предвидел, что я тебя выручу, и заранее припас газетку. А ты клонул. И притащил сюда улику, и привел за собой полицию.

— Н-но...

Вэннинг поморщился:

— Как думаешь, почему в Финансовом управлении оказался полицейский? Тебя могли сцапать в любую минуту. Но нужно было не сцапать, а напугать, чтобы ты кинулся ко мне в контору, — и обоих поймать на один крючок. Тебе — срок, мне — лишение адвокатского звания. Чертов идиот!

Макильсон облизал губы.

— А тут есть запасной выход?

— Есть! И за ним наверняка ждет засада. Проклятие! Не будь еще глупее, чем выглядишь.

— А ты можешь... спрятать?

— Где? Они всю контору просветят рентгеновскими лучами. Нет, я просто... — Вэннинг осекся. — Говоришь, спрятать? Спрятать... — Он круто повернулся к селектору. — Мисс Хортон? У меня совещание. Не беспокоить ни по какому поводу. Если вам кто-нибудь предъявит ордер на обыск, созвонитесь с полицейским управлением и убедитесь в подлинности. Вы меня поняли?

На лице Макильсона отразилась надежда.

— Все уладится?

— Ой да заткнись ты! — рявкнул Вэннинг. — Жди здесь, я сейчас вернусь.

Он скрылся за боковой дверью. На диво скоро вернулся, неуклюже затаскивая в кабинет металлический шкафчик.

— Помоги... Фу-ух... Вон туда, в тот угол. А теперь убирайся.

— Но...

— Живо! — приказал Вэннинг. — У меня все под контролем. И не болтай. Тебя арестуют, но без вешдока долго не продержат. Как только отпустят, возвращайся.

Он отпер дверь, вытолкнул Макильсона за порог и снова заперся. Подошел к шкафчику, заглянул внутрь. Пусто. Как и должно быть.

Теперь облигации...

Вэннинг закинул чемодан из искусственной замши. Пришлось повозиться — тот был шире, чем шкафчик. Наконец адвокат смог отдышаться, глядя, как коричневая штука сжимается, меняет контуры до неузнаваемости. И вот она уже совсем крошечная, приобрела продолговатую форму яйца и цвет медной центовой монеты.

— Вау! — хмыкнул Вэннинг.

И склонился, всматриваясь. В шкафчике что-то двигалось. Не что гротескное, величиной не больше четырех дюймов. Очень странное на вид, сплошь кубики и уголки, цвета ярко-зеленого и... явно живое.

В дверь кабинета постучали.

Крошечная тварь деловито возилась с медным яйцом. В чисто муравьиной манере подняло его и попыталось утащить. Вэннинг ахнул и сунул руку в шкафчик. Четырехмерной тварюшке не хватило проворства увернуться. Вэннинг ощутил, как она корчится под ладонью.

Он стиснул добычу в кулаке.

Шевеление прекратилось. Вэннинг отпустил убитую тварь и сразу убрал руку.

Дверь затряслась под градом ударов. Вэннинг закрыл шкафчик и выкрикнул:

— Минуту!

— Ломайте! — прозвучал приказ за дверью.

Но это не понадобилось. Вэннинг натянул на лицо виноватую улыбку и провернул ключ.

За порогом стоял барристер Хэттон в сопровождении крижистых полицейских.

— Мы взяли Макильсона, — сообщил он.

— Вот как? А за что?

Вместо ответа Хэттон дернул головой. Полицейские приступили к обыску. Вэннинг пожал плечами.

— Перегибаете палку, — сказал он. — Вламываетеесь, роетесь...

— У нас есть ордер.

— Что ищете?

— Конечно облигации, — устало ответил Хэттон. — Не знаю, куда ты засунул чемодан, но мы его найдем.

— Что за чемодан? — поинтересовался Вэннинг.

— Тот, который принес сюда Макильсон. Когда выходил, чемодана при нем не было.

— Игра закончена, — печально проговорил Вэннинг. — Вы победили.

— То есть?

— Если я признаюсь, куда дел чемодан, замолвите за меня на суде словечко?

— Э-э... да. И где же он?

— Я его съел, — ответил Вэннинг и улегся на диван, давая понять, что намерен вздремнуть.

Хэттон долго не сводил с него ненавидящего взгляда. Полицейские рылись в конторе. Внутренность шкафчика они удостоили лишь беглым взглядом. Стены, пол, потолок, мебель были просвечены рентгеном, но это ничего не дало. Вэннинг поаплодировал напрасным усилиям копов.

Хэттон в конце концов сдался. Ничего другого ему не оставалось.

— Завтра подам на тебя иск, — пообещал Вэннинг. — А еще жалобу на произвольное задержание Макильсона.

— Иди к черту! — прорычал Хэттон.

— Пока-пока.

Вэннинг дождался ухода незваных гостей. Затем, хихикая, отворил дверцу шкафчика.

Медного цвета яйцо, в которое превратился замшевый чемодан, исчезло. Вэннинг пошарил внутри и ничего не обнаружил.

До него не сразу дошел смысл случившегося. Он развернул шкафчик к окну и заглянул снова — с тем же результатом.

Пропали двадцать пять тысяч кредитов в ликвидных рудных облигациях.

Вэннинг вспотел. Он поднял металлический ящик, потряс. Не помогло. Он перетащил шкафчик в другой угол и вернулся, чтобы со всей тщательностью изучить пол.

Может, Хэттон стянул?

Нет. Вэннинг ни на миг не упустил шкафчик из вида за все время обыска. Полицейский распахнул дверцу, заглянул и снова закрыл. С того момента к ней никто не притрагивался.

А облигаций нет.

Как и раздавленной Вэннингом загадочной мелкой твари.

И что же все это значит?

Вэннинг запер шкафчик на задвижку. Опять открыл, не надеясь, что внутри появится медного цвета яйцо.

Оно и не появилось.

Шатаясь, Вэннинг подошел к видеофону и позвонил Гэллегеру.

— А?.. Че?.. Ага... Чего тебе? — Появившееся на экране худое лицо выглядело неважнецки. — У меня похмелье. А тиамин принять не могу — аллергия. Ну ты как, выиграл?

— Послушай, — нервно заговорил Вэннинг, — я кое-что положил в твой чертов ящик — и будто корова языком слизнула.

— Корова? Ящик? Смешно.

— Да не ящик, а то, что было внутри... Чемодан.

Он задумчиво покачал головой:

— Непонятно, да? Помнится, однажды я сделал...

— Давай без воспоминаний! Я хочу вернуть чемодан!

— Семейная ценность? — предположил Гэллегер.

— Нет. Там деньги.

— Не глупо ли, Вэннинг? С сорок девятого ни один банк не лопнул. Вот уж не думал, что ты такой скряга. Любишь, когда денежки рядом, когда можно пропускать их сквозь твои тонкие, как птичьи коготки, пальчики?

— Да ты опять надрался.

— Я пытаюсь, — возразил Гэллегер, — но вечно что-нибудь мешает. Отнимает время. Вот, к примеру, этот твой звонок обойдется мне в две с половиной пропущенные порции. Надо удлинить шланг, чтобы можно было болтать по «Уинчеллу» и при этом употреблять.

Вэннинг едва разборчиво затараторил в микрофон:

— Чемодан! Что с ним случилось? Как его вернуть?

— А при чем тут я? У меня твоего чемодана нет.

— Можешь узнать, где он?

— Ну... Расскажи во всех подробностях, посмотрю, что можно сделать.

Вэннинг подчинился, хоть и подкорректировал историю, как того требовала осторожность.

— Ладно, — весьма неохотно сказал наконец Гэллегер. — Ненавижу придумывать версии, но разве что в порядке услуги... Эта обойдется тебе в пятьдесят кредитов.

— Чего?! Ты спятил?

— Пятьдесят, — не дрогнул Гэллегер. — Или никаких версий.

— А где гарантия, что ты вернешь мне чемодан?

— Гарантии нет. Но, возможно, есть шанс... Мне надо сходить в «Механистру», воспользоваться тамошними машинами. Это неде-

шево, но без калькуляторов мощностью в сорок мозгов мне не обойтись...

— Хорошо, согласен, — прорычал Вэннинг. — Приступай. Мне позарез нужен этот чемодан.

— Знаешь, меня всерьез заинтересовал жучок, которого ты раздавил. Сказать по правде, только из-за него я и берусь за твою задачу. Жизнь в четвертом измерении...

Гэллегер отошел, бормоча. Не дождавшись, когда лицо изобретателя снова появится на экране, Вэннинг отключился.

Он заново исследовал шкафчик и не обнаружил ничего нового. Куда же запропастился чертов чемодан из искусственной замши?

Погруженный в печальные думы, Вэннинг натянул пальто и отправился ужинать в «Манхэттен руф». Ему было ужасно жалко себя.

На следующий день думы стали еще печальнее. Гэллегер не отвечал на звонки, так что Вэннингу пришлось томиться ожиданием. В середине дня в контору явился Макильсон.

— Ты смог меня вытащить из кутузки, — начал он с порога, — и что теперь? Здесь найдется выпивка?

— Тебе не нужна выпивка, — проворчал Вэннинг. — И так уже нализался, еле на ногах стоишь. Катись во Флориду и жди, когда все уляжется.

— Осточертело ждать. Лучше махну в Южную Америку. Но для этого нужны денежки.

— Дождись, когда я обналичу облигации.

— Я возьму облигации. Ровно половину, как договаривались.

Вэннинг зло сощурился:

— И снова окажешься у полиции в лапах. Без вариантов.

Макильсон занервничал еще пуще:

— Спорить не стану, я сваял дурака. Но в этот раз будет иначе, комар носу не подточит.

— То есть ты подождешь?

— У меня есть приятель, летчик. Его вертолет сейчас на крыше, на парковке. Я поднимусь, отдам ему облигации и смоюсь. Полиция ничего на меня не накопает.

— А я говорю — нет, — твердо произнес Вэннинг. — Слишком опасно.

— Опасно, пока облигации здесь. Если их найдут...

— Не найдут.

— Где же ты их прячешь?

— Тебя не касается.

Макильсон недобро посмотрел на адвоката:

— Пусть так. Но облигации где-то здесь. Ты не мог их вынести до прихода копов. Не стоит слишком испытывать удачу. Они просвечивали рентгеном?

— Конечно.

— Я слышал, барристер Хэттон нанял ораву экспертов, чтобы они изучили чертежи этого здания. Твою нычку найдут. Я хочу убраться отсюда до того, как это случится.

Вэннинг помахал ладонью:

— Не истери. Я же тебя выручил, скажешь, нет? Хотя ты едва не запарол все дело.

— Это так, — признал Макильсон, оттянув пальцами нижнюю губу. — Но я... — Он скусил ноготь. — Да черт бы тебя побрал! Я сижу на кромке вулкана, а ее подо мной точат термиты. Я не могу торчать тут и ждать, когда полиция разыщет облигации. Из Южной Америки нет экстрадиции, а значит, мне надо поскорей оказаться там.

— Тебе нужно ждать, — сурово повторил Вэннинг. — Это твой единственный шанс.

В руке у Макильсона вдруг оказался пистолет.

— Ты отдашь мне половину облигаций. Прямо сейчас. Я ни на грош тебе не верю. Облапошить меня решил? Выкладывай облигации!

— Нет, — ответил Вэннинг.

— Я не шучу.

— Знаю. Но я не могу отдать облигации сейчас.

— Да? А почему?

— Слышал когда-нибудь о временном замке? — спросил Вэннинг, чутко следя за движениями собеседника. — Ты прав насчет того, что я положил чемодан в секретный сейф. Но его можно открыть только через определенное число часов.

— Мм... — задумчиво протянул Макильсон. — А когда?

— Завтра.

— Ладно. Завтра ты отдашь облигации?

— Раз уж настаиваешь. Но все-таки советую передумать. Так будет безопаснее.

Вместо ответа Макильсон лишь ухмыльнулся, оглянувшись по пути к выходу.

Вэннинг долго сидел в полной неподвижности. Его пробирал нешуточный страх.

У Макильсона маниакально-депрессивный психоз. Этот тип и впрямь способен убить. Он сейчас на грани срыва, спасение видит в отчаянном бегстве.

Что ж, надо принять меры предосторожности.

Вэннинг снова позвонил Гэллегеру и снова не получил ответа. Он оставил сообщение на автоответчике и на всякий случай еще раз заглянул в шкафчик. Тот оказался обескураживающе пуст.

Вечером Гэллегер позвал Вэннинга к себе в лабораторию. Изобретатель выглядел усталым и нетрезвым. Он махнул рукой в сторону стола, заваленного обрывками бумаги.

— Ну и задал ты мне задачку! Сказать по правде, вряд ли бы я рискнул за нее взяться, если бы знал, на каких принципах работает штуковина. Садись. Плесни себе чего-нибудь. Принес пятьдесят кредитов?

Вэннинг молча достал банкноты и запихал их в «Монстра».

— Отлично. А теперь... — Он уселся на диван. — А теперь приступим. Вопрос на пятьдесят кредитов.

— Я получу назад чемодан?

— Нет, — сухо ответил Гэллегер. — По крайней мере, пока я не пойму, как все работает. Это, знаешь ли, другой пространственно-временной сектор.

— Нельзя ли попроще?

— Проще: шкафчик действует как телескоп, но приближает не только визуально. Полагаю, шкафчик — своего рода окно. В него можно смотреть, а еще можно просунуть руку. Окно, открытое в сейчас плюс икс.

— Ты так ничего и не объяснил, — поморщился Вэннинг.

— Все, чем я пока располагаю, это версия. Послушай, что я скажу. Я изначально ошибался. Вещи, которые попадают в шкафчик, не появляются в другом пространстве, поскольку действует пространственная константа. Я имею в виду, что меньше они не становятся. Размер есть размер. Перемещение кубика с ребром в один дюйм на Марс не увеличит кубик и не сократит.

— А как насчет иной плотности в окружающей среде? Она не может раздавить предмет?

— Может, и он останется раздавленным. Будучи извлечен из шкафчика, не обретет прежних размеров и формы. Икс плюс игрек никогда не равно икс умножить на игрек.

СОДЕРЖАНИЕ

Хроносейф. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	5
Этот мир — мой! Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	29
Робот-зазнайка. Рассказ. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	63
Гэллегер-Штрих. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	100
Ех machina. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	142
С приветом, автор. Рассказ. <i>Перевод А. Полошака</i>	176
Твонки. Рассказ. <i>Перевод А. Килановой</i>	212
Лучшее время года. Повесть. <i>Перевод В. Скороденко</i>	234
De Profundis. Рассказ. <i>Перевод Н. Берденникова</i>	281
Порочный круг. Рассказ. <i>Перевод А. Тетеревниковой</i>	291
Жил-был гном. Рассказ. <i>Перевод Г. Л. Олди</i>	306
Сим удостоверяется... Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	327
«Все тенали бороговы...» Рассказ. <i>Перевод Л. Черняховской</i>	341
Большая Ночь. Рассказ. <i>Перевод Б. Жужунавы</i>	367
Только не смотрите! Рассказ. <i>Перевод Б. Жужунавы</i>	399
Нет больше той любви. Рассказ. <i>Перевод А. Полошака</i>	414
Алмазная свинка. Рассказ. <i>Перевод А. Третьякова</i>	454
Не сегодня, так завтра. Рассказ. <i>Перевод И. Тетериной</i>	487
Жилищная проблема. Рассказ. <i>Перевод А. Глебовской</i>	503
Невероятная догадка. Рассказ. <i>Перевод Б. Жужунавы</i>	518
Соглядатай. Рассказ. <i>Перевод А. Полошака</i>	529
Нимб. Рассказ. <i>Перевод В. Баканова</i>	558
Железный стандарт. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	575
Пленник разума. Рассказ. <i>Перевод О. Зверевой</i>	606
Мокрая магия. Повесть. <i>Перевод Н. Берденникова</i>	644

СОДЕРЖАНИЕ

Андроид. Рассказ. <i>Перевод О. Зверевой</i>	699
Хеппи-энд. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	730
И вечность впереди... Рассказ. <i>Перевод О. Зверевой</i>	749
Ярость. Роман. <i>Перевод Г. Л. Олди</i>	770

Каттнер Г.

К 29 «Робот-зазнайка» и другие фантастические истории : роман, повести, рассказы / Генри Каттнер ; пер. с англ. В. Баканова, Н. Берденникова, А. Глебовской и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 944 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-21270-1

Генри Каттнер, публиковавшийся не только под своей настоящей фамилией, но и под доброй дюжиной псевдонимов, считается одним из четырех или пяти ведущих американских фантастов 1940-х. Легендарные жанровые журналы, такие как «Future», «Thrilling Wonder», «Planet Stories» и «Weird Tales», более чем охотно принимали произведения, написанные им самостоятельно или в соавторстве с женой, известным мастером фантастики и фэнтези Кэтрин Люсиль Мур; бывало, что целый выпуск журнала отводился для творчества Каттнера. Почти все, созданное этим автором, имеет оттенок гениальности, но особенно удавалась ему «малая литературная форма»: рассказы о мутантах Хогбенах, о чудачковатом изобретателе Гэллегере и многие другие, сдобренные неподражаемым юмором, нескольким поколениям читателей привили стойкую любовь к фантастике.

В этот сборник вошли двадцать девять знаменитых произведений Каттнера, в том числе научно-фантастический роман «Ярость». Рассказы «Твонки» и «Все тенали бороговы...» были удостоены премии «Хьюго».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ КАТТНЕР
РОБОТ-ЗАЗНАЙКА
И ДРУГИЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Людмила Дубовая, Елена Терскова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.08.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 59.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-FPB-30204-01-R